

Ученые переглянулись и, сжав зубы, заявили:

— Мы лишь по просьбе книготорговца составили пару комментариев, а обо всех этих уличных сплетнях понятия не имеем.

Поняв, что от них хотят не серьезного разговора, а лишь смакования сомнительной славы, они предпочитали под предлогом подготовки к экзаменам запереться у себя и зубрить с усердием, боясь провалиться и навлечь на себя позор: мол, их имя не соответствует действительности и они недостойны комментировать «Троецарствие».

Вскоре наступил шестой день восьмого месяца. Экзаменаторами на сянши в Шуньтяньфу назначили академика Академии Ханьлинь Ни Юэ и чтеца Дун Юэ. Ученым стало не до поиска развлечений, и только тогда испытуемые смогли спокойно подготовиться к сянши года гуй-мао.

После трех этапов испытаний — девятого, двенадцатого и пятнадцатого дней восьмого месяца — ученые выходили из экзаменационных кабинок буквально без сил. Однако благодаря невероятному успеху «Троецарствия» даже дежурившие Цзиньивэй слышали их имена. Стражники сжалились и не стали заставлять их обливаться потом в ожидании обыска: их досмотрели раньше остальных и отвели им отличные места — защищенные и от палящего солнца, и от дождя. Неся звание талантливых ученых, они с особым тщанием выстраивали композицию и оттачивали каждое слово своих сочинений, стремясь довести их до совершенства. Лишь когда догорели все три свечи, выданные в зале, они с неохотой сдали свои работы.

После трех испытаний десятеро кандидатов из Цяньаня еще не знали, удастся ли им пройти отбор, но приняли одинаковое решение: немедленно собрать вещи и покинуть столицу. А в день оглашения результатов отправить кого-нибудь проверить списки. Главное — не оставаться здесь, чтобы никто больше не допрашивал их об отношениях с «красавицей Цуй»!

Когда остальные шэньюани пришли в себя после напряженной атмосферы экзаменов и выкроили время, чтобы завести знакомство с известными книжными критиками, они обнаружили, что в гостинице «Фусян» никого не осталось. Десятка ученых из Цяньаня давно покинула столицу и сняла кельи в небольшом монастыре за городскими воротами. Они решили спокойно дождаться утра второго дня девятого месяца, когда вывешат списки, узнать свои результаты и сразу отправиться домой.

В самом уезде Цяньань тоже с замиранием сердца ждали итогов сянши.

Едва начав службу в уезде, начальник уезда Ци сразу столкнулся с сильным наводнением, а последующие два года выдались засушливыми. Казалось, его чиновничьей карьере пришел конец. У него не было ни влиятельных покровителей, ни богатого семейства; чтобы выхлопотать эту должность, его семье пришлось приложить все силы. И если текущая аттестация окажется низкой, о будущем продвижении можно было забыть.

Он не жалел сил: укреплял берега рек, копал каналы, призывал к земледелию и шелководству, а во время перевозки зернового налога едва ли не сам сопровождал корабли в столицу. Начальник уезда Ци лишь надеялся, что во время общей аттестации кисть начальника милостиво дрогнет и ему позволят прослужить в уезде Цяньань еще один срок. Конкурсные испытания подвластных ему ученых составляли важнейшую часть проверки, пожалуй, даже более значимую, чем сбор налогов и зерна. Если бы до окончания его службы хотя бы несколько человек стали цзюйжэнями, аттестация выглядела бы намного лучше и сгладила бы

последствия катастрофического наводнения и неурожая.

Поэтому утром второго дня девятого месяца, когда пришло время объявлять результаты, он заранее подослал доверенных людей следить за гонцами, прибывающими с вестями.

Ван Чжичан из Цяньаня занял сто двадцатое место и стал цзюйжэнем! Ван Пу занял семьдесят девятое место, Тан Нин — шестьдесят четвертое, а Го Юн — двадцатое... Одно имя за другим долетало до уездной управы. Не только помощник начальника уезда Ци от волнения сжал кулаки, но и наставник Сунь вместе с двумя помощниками едва не разрыдались от счастья.

В прошлые годы в Цяньане испытания проходили в лучшем случае один или два шэньюаня, а на экзамене года гэн-цзы три года назад и вовсе никто не выдержал отбор. В этом же году под его управлением сразу четверо получили звание цзюйжэня! Его труды по ремонту уездной школы и призывы к учебе наконец принесли плоды. Если эти четверо в следующем году смогут сдать экзамен на цзиньши, то за три года службы он оставит после себя весомое наследие...

У начальника уезда Ци защипало в глазах. Он торопливо отдавал приказание отправлять гонцов с поздравлениями в семьи победоносных ученых, пока в уезде спешно готовили все необходимое для праздничного пира.

Подчиненные один за другим входили с поздравлениями, и кто-то заметил:

— Из наших Шести гениев сразу трое прошли отбор! В будущем наш Цяньань станет родиной талантливых ученых, прямо как Цзяннань!

Только тут начальник уезда Ци вспомнил, что среди четверых победителей трое были теми самыми учеными, чьи имена появились в книге «Шесть гениев критикуют Троецарствие». Он не удержался от улыбки:

— А у владельца книжной лавки есть чутье! Выбрал поистине лучших умов нашего уезда. На днях, когда будем устраивать малый банкет Лумин, давайте пригласим и его. Пусть сойдутся за чашей вина ученые и хозяин лавки — выйдет весьма изысканно.

«Кстати, а хозяин-то точно не женщина?» — засомневался начальник уезда Ци и строго наставил слуг:

— Зовите главу дома, мужчины! Никаких женщин. На нашем почтенном банкете не должно быть смешения полов, чтобы не плодить дурных слухов.

Писарь из отдела финансов с угодливой улыбкой выступил вперед и шепнул:

— Хозяин лавки уж точно не женщина. Все купчие проходили через меня, да и господин начальник его знает. Это хозяин усадьбы семьи Цуй с памятной аркой, молодой господин Цуй Се из поместья ланчжуна. А слухи про красавицу возникли не на пустом месте: сам он наложниц не держит, да вот задний двор книжной лавки в счет долгов еще давным-давно отошел старшему сыну командира Вана. Молодой господин Ван и обустроил там обитель для своей содержанки...

Этот командир Ван обладал поистине широкой душой: его любимую наложницу приписали к семье Цуй да еще окрестили «красавицей Цуй», а он даже не взволновался.

Начальник уезда Ци, выслушав эту пикантную историю, ощутил, как у него застучало в висках. Захмурившись, он недовольно произнес:

— Как можно держать подобную девицу в приличной книжной лавке? Коли двор отдали другому, отчего не арендовали иное место... Ладно-ладно, чтоб я больше не слышал этих грязных сплетен! Держите языки за зубами. И если кто-то испортит человеку репутацию — пеняйте на себя, велю отбучать дубиной!

В кои-то веки в уезде появился такой вундеркинд, да еще выпустил такую правильную и глубокую книгу, как «Парные изречения из Четверокнижия»! Как можно позволить этим сомнительным слухам вредить его будущему?

Писарь заискивающе улыбнулся:

— У меня язык за зубами! Кабы не перед вашим превосходительством, я б и заикнуться не дерзнул. Моя женушка даже во сне от меня ни словечка не услышит! Так что же, зовем его на малый банкет Лумин?

С одной стороны — командир, с другой — столичный чиновник из Министерства финансов. Любой из них мог раздавить его одним пальцем, так разве смел он распускать сплетни?

Начальник уезда Ци тяжело хмыкнул и решительно сказал:

— Зови! Обязательно зови! Коли они знакомы да к тому же все учатся в нашем уезде, им тем более стоит собраться вместе. Вот только после банкета мне придется лично заняться делами его книжной лавки!

Четверо новоиспеченных цзюйжэней, вернувшись с банкета Лумин в Шуньтяньфу, сразу попали на малый банкет в родном уезде.

Уездный начальник, его помощник, ревизор и наставник лично возглавили торжество. Устроено оно было исключительно ради четверых новых цзюйжэней, хотя проваливших экзамен шэньюаней тоже пригласили составить компанию. Среди этой почтенной публики, обладающей учеными степенями и званиями, затесался лишь один простой простолюдин, которому пока не полагалось носить даже шапку ученого. Разумеется, это был Цуй Се, доставленный сюда по особому распоряжению начальника уезда.

Его усадили за небольшой столик под галереей, где он мог спокойно наблюдать за происходящим, наслаждаясь едой и напитками. С обеих сторон музыканты заиграли песнь «Олени кличут», а начальник уезда и четверо цзюйжэней по очереди пели строфы: «Олени кличут весело в лугу, хрустя побегами и травами...» Весь ритуал строго следовал древним обрядам: хозяева и гости обменивались поклонами, после песен декламировали стихи, так что к моменту, когда дело дошло до еды, блюда успели остыть.

Цуй Се искренне подозревал, что начальник уезда Ци сам в свое время не сумел сдать экзамены на цзюйжэня или цзиньши, а потому устроил этот малый банкет, чтобы хоть так потешить свое тщеславие.

Осушив три чаши вина, начальник уезда обратился к новоиспеченным цзюйжэням:

— Не думал я, что среди четверых победителей трое окажутся теми самыми гениями, что комментировали «Троецарствие». Узнав об этом совпадении, я решил пригласить на наш праздник и хозяина книжной лавки, давшего ход вашим талантам. Почему бы вам, господа ученые, не сложить по стихотворению в честь его лавки на память об этом дне?

Четверо цзюйжэней и шестеро шэньюаней, не прошедших отбор, как один повернули головы к

Цуй Се, сидевшему под галереей. Тот поспешно поднялся, поднял кубок с поздравлением в честь их успеха в осеннем списке и выразил благодарность начальнику уезда Ци за доброту, позволившую ему, скромному простолюдину, присутствовать на малом банкете Лумин и пить вино за одним столом с учеными мужами.

Начальник уезда Ци кивнул, освобождая его от лишних церемоний, и предложил четверем цзюйжэням сложить стихи.

Порядок декламации повторял рассадку на банкете — строго по занятым на экзамене местам. Го Юн, не раздумывая, поднялся первым и, подняв чашу, произнес:

— Благодарю вас, господин начальник, за эту встречу! Я и сам давно хотел выпить с юным Цуй Се, да все не выпадало случая. Тем, что я сдал экзамен на цзюйжэня, я отчасти обязан твоей книге «Шестеро талантливых ученых критикуют Троецарствие». По прибытии в столицу нас так часто величали гениями, что мы страшно боялись провалиться. Не дай бог кто-то заговорил бы, мол, ученые из Цяньаня уступают остальным! Мы стиснули зубы и просто не могли позволить себе сдать экзамен плохо.

С этими словами он осушил чашу до дна и прямо на месте экспромтом зачитал безупречное восьмистишие в пять слогов.

<http://bllate.org/book/18372/1761303>